

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОСТАВА ПРАВА КАК СОЧЕТАНИЯ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА

© 2013 г. Георгий Михайлович Вельяминов¹

Краткая аннотация: в статье предлагается включение в понятие права в целом как социального феномена не только объективного права (системы норм поведения), но и субъективных правоотношений, вне которых объективное право представляется безжизненным. В качестве непосредственного источника права автор раскрывает соотношение “воли” и властной силы.

Annotation: the law as a social phenomenon consists not only of the “objective law” (lex) but also of a mass of rights and duties – “subjective rights” (jus) without which the objective law is lifeless. The direct source of any law is not a so called “will” but a power’s force.

Ключевые слова: право, международное право, объективное право, субъективное право, властная сила, воля, правовая унификация.

Key words: law, international law, objective law, subjective rights, power’s force, will, legal unification.

Предлагаемая тема отнюдь не имеет в виду углубление в философское и социологическое понимание права. Занятие это, как давно известно, – малоперспективное. Живо и справедливо до сегодняшнего дня сказанное еще более 200 лет тому назад И. Кантом: “Юристы все еще ищут определение своего понимания права”. В то же время вполне прагматично значимым представляется толкование юридино-теоретического деления права на объективное и субъективное и, соответственно, – специфики состава права как социального феномена в целом.

Еще римское пандектное право различало понятия *norma agenda* (правило, эталон поведения), т.е. по сути – объективное право, и *jus agendi* (право определенного конкретного поведения), иначе – субъективное право². Причем показательно, что как раз к субъективному праву относится термин *jus*, который давно и стал олицетворять право в целом как социальный феномен. Важно при этом, что право объективное и право субъективное по сути изначально рассматривались в совокупности. В отечественной доктрине, однако, можно наблюдать неясность деления права на объективное и субъективное.

Объективное право формально определить проще, – резонным представляется трактование его как системы правил (норм) поведения, устанавливаемых в порядке долженствования феноменом власти для применения в пределах подвластного юрисдикционного поля.

Что касается самого феномена власти как силы истоков власти и ее государственной ипостаси; самоограничения власти правом в интересах обеспечения общественного порядка, то эти и другие проблемы и понятия – сфера больше даже не правоведения, но философии, социологии, политологии. В контексте юриспруденции действительно существенным по сути представляется понимание *непосредственного* источника права – полномочного института *власти* как фактора по обеспечению должного поведения

субъектов правоотношений. Упорядоченное в рамках современного правопорядка взаимодействие государств в качестве суверенных носителей властных полномочий содействует поступательному развитию международного права³.

На концептуальном уровне современное международное право в режиме объективного права обозначает себя в формате совокупного результата согласования воли государств-членов мирового сообщества. Позитив развития Российской и зарубежной науки и практики международной юриспруденции предметно подтверждает теорию согласования воли государств как полноправных суверенов процесса международного общения в качестве основы создания и прогрессивного развития современного международного права и его институтов.

Международное право в параметрах своего объективного существования показывает себя как совокупность правил должного поведения суверенных субъектов международных правоотношений. Суверенная воля государства как носителя определенного набора субъектных прав и законных интересов в общих параметрах поддержания своей юридической безопасности целенаправленно ориентирована на создание и обеспечение международного права как целостной и законченной системы права. Созидательный волеизъявительный акт государств-членов мирового сообщества, направленный на формирование права по линии международного договорного или международного обычного права, соединяется (через обращение в международные судебные-арбитражные органы) с созидательным волеизъявительным актом государств в рамках процесса по обеспечению права. Таким образом государства-члены мирового сообщества в своем качестве суверенных носителей субъективных прав и законных интересов через имманентное проявление воли в общих параметрах своей правосубъектности и дееспособности⁴ содейству-

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: nn1962@yandex.ru).

² См., в частности: Барон Ю. Система римского гражданского права / Пер. Л. Петражицкого. СПб., 1909. С. 13.

³ Понятия “сила”, “власть”, “интерес” и т.п. в их юридико-теоретическом значении далеко не новы; особо серьезно они разработаны еще в рамках так называемой социологической школы права (XIX в.), в трудах Р. Иеринга и др.

⁴ См.: подробнее: Вельяминов Г.М. Международная правосубъектность // Сов. ежегодник международного права. 1986. М., 1987. С. 81, 82.

ют поступательному развитию современного миропорядка на основе верховенства права.

Концептуально и постановочно обозначена предметная востребованность соединения созидательного волеизъявительного начала в поведении государств-членов мирового сообщества с обеспечительным волевым началом (в поведении государств) в плане формирования и добросовестного соблюдения норм современного международного права. Постановления п. 2 ст. 2 Устава ООН здесь звучат убедительно правильно и юридически обоснованно: “Все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации”.

Добросовестное поведение субъектов правоотношений (государств-членов ООН) в рамках волеизъявительного процесса по формированию права в дополнение и во взаимодействии с добросовестным поведением в параметрах волеизъявительного процесса по обеспечению права создает надлежащие юридические гарантии по линии нормального (с точки зрения права и справедливости) продвижения мирового сообщества к миропорядку на основе верховенства права.

В академическом плане волеизъявительный акт субъекта международных правоотношений в общих параметрах его правосубъектности и дееспособности обозначен в формате создания международного права и его обеспечения как целостной и законченной системы права. Весь позитив правосозидательной и правоисполнительной практики государств-членов мирового сообщества направлен на всестороннее соблюдение международного права в полном соответствии с требованиями Устава ООН. Право (в том числе, разумеется, и международное право) как совокупный юридический формат долженствования в объективном плане устанавливает соответствующие предписания по линии надлежащего поведения, а в субъективном аспекте покрывает собой правосозидательную и правообеспечительную стороны волеизъявительного поведения субъектов правоотношений – государств в рамках современного международного права. Позитив права в плане созидания соединяется с позитивом права в плане обеспечения. Волеизъявительный формат в поведении субъектов международных правоотношений находит свое логическое проявление в общих параметрах права как объективная и субъективная категории.

Выход международного права в режим целостной и законченной системы права осуществляется через посредство международных судебно-арбитражных органов, которые в рамках международного права выступают в качестве органов по обеспечению права.

Реально для установления права в рамках государства и для обеспечения его соблюдения необходимы сила, авторитет власти *в целом*, как таковой, не только законодательной, но и исполнительной, и судебной.

Субъективное право. В теоретическом ракурсе представляется, что в целом субъективное право – это совокупность всех правоотношений, существующих в данном юрисдикционном поле, действительность которых обеспечивается применимым объективным правом.

Исходя из этого, нельзя согласиться с авторитетным отечественным теоретиком права проф. С.С. Алексеевым, полагающим, что “субъективное право – принадлежащая субъекту мера (*Sic!* – *Г.В.*) дозволенного поведения, обес-

печиваемая государством”⁵. Данное определение воспринимается скорее подходящим к понятию частного права⁶, нежели субъективного права (*jus*, как оно понималось, по сути, еще римскими юристами). Думается, применительно к субъективному праву нет оснований говорить о нем и как о “мере”. Мера – это нечто объективно отмеренное, точно обусловленное. По сути же речь идет о самых разнообразных, “немереных” правоотношениях, складывающихся между субъектами права соответствующих правовых систем. При этом и критерий “дозволенности” противоречит концептуально преобладающим в современной теории права принципам: “разрешено все, что не запрещено” и “свобода воли сторон” частных правоотношений. Неполным в этой связи представляется и определение, принадлежащее Е.Н. Трубецкому: “Право в субъективном смысле... есть та сфера внешней свободы, которая предоставляется лицу нормами объективного права... В область права в субъективном смысле входят права, обязанности и юридические отношения”⁷. К сожалению, под это определение не подпадают субъективные *публичные* правоотношения, в “сферу внешней свободы” далеко не всегда укладываемые. По сути и у С.С. Алексеева, и у С.Н. Трубецкого наблюдается некое смещение понятий частного и субъективного права. Такое же смещение понятий присутствует и у Ю. Барона⁸. Это, очевидно, объяснимо тем, что он писал о “Римском гражданском праве”, т.е. именно только о *частном* праве у него вообще в принципе и идет речь. Предположительно в этом же ключе мыслил и Е.Н. Трубецкой.

* * *

Исключительно важна не всегда принимаемая во внимание **имманентная связь между объективным и субъективным правом**. Право объективное – не более чем абстракция. Если нет конкретных персонифицированных правоотношений, нет ничего, что реально можно было бы обеспечивать и защищать посредством норм объективного права. Нормы его бездейственны, доколе, в частности: а) не возникнет соответствующий юридический факт, позволяющий вступить в силу норме объективного права. Иначе говоря, образуется конкретное правоотношение, разумеется, по “эталону” той или иной нормы объективного права; б) не запущен в действие механизм (административный, судебный и т.п.) реального использования нормы объективного права, ибо и запуск этого механизма во многих случаях – дискреционное право соответствующего субъекта права.

Пример: п. 1 ст. 59 Конституции РФ: “Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации”. Для того, однако, чтобы эта норма стала действенной (т.е. стала основой реальных субъективных правоотношений), необходим ряд соответствующих юридических фактов: возраст, пол, здоровье, убеждения, вероисповедание и т.п. статус того или иного гражданина. И лишь при наличии надлежащих юридических фактов и, таким образом,

⁵ Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1996. С. 96.

⁶ Частноправовыми нормами Е.Н. Трубецкой, например, трактует нормы, которые “не дают указаний, как индивидуум должен пользоваться предоставленными ему правами, а лишь полагают ему известные пределы, причем в этих пределах отдельное лицо вполне самостоятельно”. Нормы же “публичного права точно определяют, как лицо должно пользоваться своими правами, причем оно не может ими не пользоваться”. (см.: Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 209).

⁷ Там же. С. 85, 157.

⁸ См.: Барон Ю. Указ. соч. С. 45.

возникновении субъективного правоотношения вступает одновременно в действие и названная норма объективного права.

Другой пример: п. 3 ст. 44 Конституции РФ: “Каждый (*Sic!* – Г.В.) обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры”. Думается, на самом деле – это обязанность скорее государства, нежели “каждого”. Вместе с тем следует обозначить соответствующую юридическую позицию по предмету исследования. В рамках заявленной императивно-активной диспозиции обращение к “каждому” предусматривает, что все субъекты правоотношений в пространственных пределах конституционного поля Российской Федерации как правового, демократического, социального государства в силу их конкретной включенности в конституционно-правовой формат страны призваны направлять свои усилия на всестороннее обеспечение (каждый на своем уровне) исторического и культурного наследия Российской Федерации.

* * *

Расхожее понимание права, как такового, обычно сводится по сути лишь к пониманию его как права в объективном смысле. Так и проф. С.С. Алексеев определяет право в целом в качестве “системы общеобязательных норм...”⁹. На наш взгляд, однако, более обоснованно следовать классическому пониманию права, трактуемого в качестве не только системы норм поведения, но, включая сюда и конкретные права и обязанности, поведение субъектов права, иначе – правоотношения.

Соответственно, можно определить право в целом как имманентное сочетание, во-первых, системы норм поведения, предписываемых авторитетом государственной власти в сфере ее юрисдикции для упорядочения взаимоотношений института государственной власти как с отдельными лицами, так и между самими этими лицами; и, во-вторых, массы – действующих на основе этой системы – реальных правоотношений между институтом государственной власти и отдельными лицами, а также между этими лицами.

Иначе понимается, что право в целом включает в себя не только объективное право (нормы поведения), но и субъективное право (реальные правоотношения между субъектами права, включая и институт государственной власти как субъект права).

Можно предвидеть, однако, контраргумент: под правом, как таковым, следует понимать именно объективное право, а субъективные права, правоотношения, трактовать лишь как составную часть “правопорядка” или “правовой системы” и т.п. Но дело в том, что *системно* именно только объективное право. Да и то во многом системно лишь доктринально и в чисто концептуальном плане международного частного права). Академическое восприятие науки здесь может служить наглядным примером обозначенной позиции. Субъективные же правоотношения по самой своей природе внесистемны и сами по себе ни в какой “порядок” не укладываются. Да и как, и где можно провести реально грань, к примеру, между исполнением индивидом своих обязанностей по частно-правовому контракту и одновременно соблюдением им же соответствующих законодательных предписаний на этот же счет? Фактически обязанности и предписания эти имманентно слитны.

⁹ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 77.

Итак, образно говоря, объективное право, как таковое, “дремлет”, не будучи задействовано в конкретных правоотношениях. Субъективное право со своей стороны не существует без опоры на объективное право. Связь эта имманентна. В повседневной жизни мы в лучшем случае лишь ориентируемся на объективное право, но фактически испытываем *на себе* его действие *исключительно* через посредство, в облике субъективных прав и обязанностей.

* * *

В несколько особом положении оказывается **международное право**. В любом государстве существует внушительная, но обозримая и более-менее стабильная правонормативная система, включающая законодательные и подзаконные акты; реципированные международно-правовые, в том числе унифицированные, нормы; обычаи и обыкновения, а в ряде правовых систем и судебные прецеденты, приравняемые по своей правовой силе к законодательным актам. Все это – объективное право. Наряду с этим существует огромная, не поддающаяся никакому исчислению и обозрению, обычно быстроотечно меняющаяся по составу масса субъективных правоотношений.

Что же касается международного права, объективно-правовая его составляющая совершенно несопоставима масштабно по своему сравнительно малому объему с объективным правом любого государства. К **объективному** международному праву формально можно отнести лишь нечетко, к сожалению, специфицированный и зачастую небесспорно однообразно толкуемый “международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы”, а также немногие и тоже нестрогие фиксированные так называемые “общие принципы права, признанные цивилизованными нациями”¹⁰.

Весь остальной массив международного права – это “международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами”¹¹. С точки зрения классической доктрины права эти конвенции (договоры) есть не что иное, как **субъективное право**. Но в отличие от субъективного национального права масса международных конвенций, договоров вполне исчислима, в принципе доступна для обозрения и использования и довольно стабильна. Таким образом, в международном праве его субъективное право фактически функционально выступает как бы в амплуа, которое в национальных системах права принадлежит объективному праву. Ведь даже Организация Объединенных Наций строго формально не универсальна, и нормы ее Устава – суть право субъективное. При этом отнюдь не значит, однако, что соответствующие субъективно-правовые, конвенционные нормы действуют своей собственной силой (*ex proprio vigore*). Строго юридически сила эта основывается исключительно на норме объективного права – на основополагающем принципе *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться). В содержании международных договоров должны соблюдаться так же иные принципы и обычно-правовые нормы международного права. Таким образом, и в международном праве объективное право и субъективное право имманентно увязаны.

¹⁰ Ст. 38 Статута Международного суда ООН. Причем следует подчеркнуть, что и сам этот Статут есть международный договор, т.е. право субъективное.

¹¹ Там же.

* * *

Понимание сути и значения объективного права и субъективного права имеет особое значение, в частности, для квалификации правовой силы норм, образующихся в результате акций по **международной правовой унификации**.

Парадокс в том, что нормы национального объективного права (или взятые в качестве, например, моделей или образцов нормы субъективного национального права, а возможно, и вообще неправовые установки) могут быть унифицированы в сегодняшнем мире в качестве международных обязательных норм *только* в субъективном (конвенционном) международном праве. С другой стороны, нормы, унифицируемые

в международном субъективном (конвенционном) праве, в принципе предназначаются для рецепции (трансформации) в национальные системы объективного права. В то же время нормы, унифицируемые в рамках неправительственных, общественных и т.п. организаций, а также, возможно, и на межгосударственном уровне, во многих случаях прямо предназначаются для их использования в субъективном праве различных государств, т.е. не в рецепционном качестве, а в виде формально необлигаторно-правового значения типовых образцов, моделей и т.п.¹²

¹² См. подробнее об этом: Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М., 2002. С. 12–272; Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. М., 2004. С. 276–299.